

современников и которым так щеголяли кубо-футуристы, дало совершенно иной результат.

Развитие словесного искусства нового времени проходило под знаком индивидуализации образного восприятия. Если для средневековья (как для письменности, так и для фольклора) эстетически действительно ожидаемое (этикетность), то начиная с Возрождения, а в России с XVII—XVIII вв., напротив, художественно значимо неожиданное. Длительное наращивание эстетически неожиданного создало значительную дистанцию между метафорическими архетипами, расположенными у мифологических истоков искусства, и словесной практикой нового времени. Для читательского сознания эти архетипы настолько затемнились, что не ощущались. Их обнаружение было уже невозможным или по меньшей мере чрезвычайно затруднительным и для исследователей.

Маяковский и Хлебников, провозглашая примат жизни над искусством, разумеется, не могли создать антиискусство. И поскольку они остались в пределах искусства, они не в силах были упразднить и разрушить уровень метафорических архетипов. Однако отрицание предшествующего историко-культурного цикла позволило им в некоторой степени очистить этот уровень от индивидуальных образных наслоений и вернуть его читательскому сознанию.

Вполне естественно, что это породило весьма большое количество разнообразных совпадений и параллелей с литературой русского средневековья.

* * *

Поэтике Хлебникова присуща заданная ориентация на средневековую литературу и фольклор. Хлебников написал статью «О пользе изучения сказок» и рассказал о своем увлечении народной песней в диалоге «Учитель и ученик». Он провозглашал:

И когда земной шар, выгорев,
Станет строже и спросит: кто же я?
Мы создадим «Слово Полку Игореву»
Или же что-нибудь на него похожее.⁸

(«Война и мышеловка», стр. 149—150)

Маяковский, напротив, в автобиографии «Я сам» декларировал отрицание «всего древнего, всего церковного и всего славянского» (стр. 12). Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что пропасть между Маяковским и Хлебниковым не так уж глубока.

Маяковский, как и Хлебников, самой логикой отрицания предшествующего цикла был вынужден вернуться к поэтическим архетипам и тем самым вступить в соприкосновение со средневековой художественной системой.

Связь Маяковского и Хлебникова с древнерусской словесностью может исследоваться на разных ярусах стихотворной структуры. Как показал Г. О. Винокур, Маяковский, используя нереализованные ресурсы языка, возрождает древнерусские синтаксические структуры: «... язык Маяковского, — писал Г. О. Винокур, — предстает как своеобразное явление преодоления синтаксиса и высвобождения семантики из связи формальных отношений».⁹ Далее исследователь отмечал, что «Маяков-

⁸ Велесмир Хлебников, Избранные стихотворения. М., 1936. (Далее ссылки даются по этому изданию в тексте статьи).

⁹ Г. Винокур, Маяковский — новатор языка. М., 1943, стр. 77.